Социология и признание.

Социологическое сообщество тревожит вопрос: как сделать свой предмет популярным, как заинтересовать социологией «широкие слои населения»? Казалось бы, в чем здесь трудность? Федеральные издания регулярно публикуют опросы. Из них можно узнать, кому из политиков доверяют граждане, какой процент женщин любит ромашки и сколько москвичей поддерживают платную парковку рядом со своим домом. Но профессионалов это не устраивает. «Опросы – это далеко не вся социология, – говорят они. – Социология – это понимание общества. Отождествление предмета социологии с общественным мнением – это игра на понижение».

Итак, сужение понятия социологии до опросных фабрик – первая проблема этой дисциплины. И не последняя.

Медийная аналитика показывает: в сознании общества социология жестко интегрирована с публичной политикой. «Когда мы смотрим, с чем ассоциируется социология, то видим два основных кластера: первый – социология и политика, второй – социология и пропаганда. Именно с этими понятиями чаще всего пересекается обсуждение социологии в публичной дискуссии», – говорит аналитик по СМИ. Это приводит к тому, что социология воспринимается как инструмент управления, а не наука.

Отсюда вторая проблема – социология превратилась в отвертку для вкручивания различных шурупов в политические механизмы. Быть отверткой престижно, но хочется еще чего-то для души. Социологи не хотят ассоциироваться только с политикой, но переубедить общество им пока не удается. Для этого надо доказать свою полезность и в других сферах. А где примеры? Примеров пока немного.

О еще одной проблеме говорит редактор популярного научно-просветительского журнала: «Родовая травма социологии – это ее смешение с публицистикой. Провести грань между социологом и

публицистом практически невозможно. Больше всего я не люблю социологов за то, что они все всегда знают». Выходит, социологи в глазах СМИ – что-то вроде телеведущих или колумнистов. Они рассказывают различные истории про общество, но совершенно неясно, из какого «реактора» эти данные получаются. Почему дело обстоит так и куда все идет? «Что мы хотим от социологии? Мы хотим данных, которые не противоречат здравому смыслу» – завершил свой спич редактор.

А как показать людям, что за каждым тезисом – не парящая спекуляция, а ответственная интеллектуальная работа? Нет пока ответа на этот вопрос. Но очевидно, что цифр недостаточно – обществу надо видеть природу этих цифр, принимая или не принимая их интерпретацию. Умение интерпретировать – вот ключевое достоинство социолога.

И наконец (а по мне, это основное) – социологов мучает проблема языка. «Язык описания социальной реальности устарел, – говорит эксперт. – Термины прикрывают дыры, которые есть в объяснительной модели». И действительно, когда видишь, как общество препарируют на разные группы, которые в 21 веке в значительной степени утратили свой смысл, и задают вопросы, смысл которых тоже не очевиден, возникает тоскливое чувство, как при взгляде на унылую синюю стену казенного учреждения.

Но как же тогда продраться через кустарник этих проблем и вызвать живой интерес к социологии? – обратился к залу модератор. Много было разных идей. Например, такая: «А давайте скинемся и закажем PR-кампанию!» Жаль, что в этот момент под рукой не оказалось картонной коробки – пройтись по рядам.

Крупный зарубежный гость, руководитель международной ассоциации социологов, поддержал российских коллег тем, что возвел их проблемы на универсальный уровень. «Везде так, – звучало в выступлении гостя. – Сейчас надо не то, чтобы повышать доверие, а хотя бы снизить недоверие. Убедить СМИ не выдергивать социологические данные из контекста». А как их в этом убедить? Вообще ведь для СМИ никакой задачи

популяризировать и поддерживать социологию нет. Для современных медиа исследовательские данные – это сырье. Не социологи определяют контекст.

Но вот одна красивая девушка из Омска дала пример «практической науки». Она рассказала, как они делают у себя в городе социологические утренники. Собирают в кафе омичей и толкуют им про жизнь и наблюдения за нею. «14 февраля беседовали о гендерной социологии, например», – пояснила девушка. Теплотой веяло от этого рассказа. А что? Вот пример хождения в народ, не чуждый русской интеллигенции. В 19 веке, правда, просветителей мужики сдавали жандармам, но времена уже заведомо либеральней.

С растерянным чувством вышел я во двор «Красного Октября» – офисно-хипстерского комплекса в центре Москвы. Вместе со мной грустил теплый март, по двору шаталась молодежь, уже готовая на все. «Они ведь даже не знают, как мы хотим их понять. И чтобы они нас тоже немного понимали», – подумал я. Но люди вокруг ничего этого не хотели.

Подробности от АК: http://actualcomment.ru/sotsiologiya-i-priznanie-1703150952.html